

Самому тяжкому году Великой Отечественной войны – 70 лет

© Карасик И. Б., 2011

Страницы из дневника И. Б. Карасика, ветерана Великой Отечественной войны, заслуженного работника геодезии и картографии Российской Федерации, Почетного строителя Российской Федерации.

1 апреля 1941 г., Москва

Всех студентов последнего курса геодезического, картографического и аэрофотосъемочного факультетов МИИГАиК правительственная комиссия оформляет старшими техниками Аэропроекта и направляет в западные области Белоруссии и Украины для производства изысканий, проектирования и строительства военных аэродромов вдоль нашей западной границы. Официально установлен 12-часовой рабочий день без выходных.

14 июня 1941 г.

В газетах публикуется сообщение ТАСС о нелепости распространяемых слухов о близости войны между Германией и СССР.

15 июня 1941 г., Львов

В начале июня строительные работы на аэродромах почти везде заканчиваются и техники-студенты съезжаются во Львов в штаб экспедиции для завершения камеральных работ. В воскресный день 15 июня руководство экспедицией сочло возможным сократить продолжительность рабочего дня на 4 часа и позволить желающим ознакомиться с достопримечательностями города, с чарующей архитектурой разных времен, уникальными архитектурными ансамблями – «музеем под открытым небом».

Построившись по двое в ряд, 18 наших студентов, среди которых я и моя жена Женя Каверина, с песней «Если завтра война» маршируют по центральной улице города, направляясь в парк «Высокий замок».

Истосковавшись по отдыху после более двухмесячной тяжелой работы, находясь во Львове и при этом долгое время не имея возможности познакомиться с этим красивым городом, мы в этот воскресный вечер позволяем себе расслабиться, почувствовать себя раскованно, совершенно не задумываясь об окружающей нас тревожной обстановке.

После прогулки по парку и посещения его ресторана мы поздно вечером идем в один из элитных ресторанов города. Для нас это вполне доступно, так как за дополнительные 4 часа работы доплачивают в двойном размере, а цены во Львове весьма невысокие. Далеко за полночь мы возвращаемся к себе в гостиницу. Последнее мирное воскресенье страны ушло в небытие...

21 июня 1941 г., Львов

Мне вручают командировочное удостоверение в Брест на помощь одной из групп, где работы задерживаются. Я прошу послать со мной Женю Каверину. Заместитель начальника экспедиции не может решить этот вопрос без начальника, который должен завтра вернуться из Москвы, но позволяет мне задержаться во Львове на сутки.

22 июня 1941 г., Львов

Около 5 часов утра наш сон нарушает нарастающий шум моторов, несущийся из открытого окна гостиницы. Выглядываю в окно. Мимо гостиницы по проспекту Шевченко в сторону границы проходит колонна новейших танков – Т-34. Меня это не удивляет: граница укрепляется боевой техникой. Ложимся досыпать.

Около 6 часов послышалась стрельба из пулеметов. Подойдя к окну, вижу обычную для последнего времени картину воздушного боя. И это не настораживает: летчики учатся воевать.

По дороге на работу услышали объявление о воздушной тревоге с указанием укрыться в ближайшем бомбоубежище. К таким объявлениям привыкли: на учебные тревоги мы не обращаем внимание.

12 часов. Молотов по радио сообщает о вероломном нападении на нас фашистской Германии: в 3 часа 15 минут немецкая авиация совершила налет на Севастополь, а орудия немецкой артиллерии обстреляли Брестскую крепость.

13 часов. Всем сотрудникам экспедиции предложено срочно прибыть в областное управление НКВД – Аэропроект выполняет работы по договору с Главным управлением аэродромного строительства (ГУАС), входящим в систему НКВД.

19 часов. Майор управления сообщает собравшимся мужчинам, что мы входим в состав ударного батальона по защите города Львова, а он – наш командир. Женщин завтра отправят в Москву. Все сотрудники размещаются на полу огромного подвала управления.

24 часа. Разноречивые слухи. По одним – наши войска уже перешли границу и развивают наступление. По другим – немецкие танки где-то прорвались и идут на Львов.

23 июня 1941 г., Львов

13 часов. Все женщины экспедиции на трех грузовых машинах в сопровождении пяти бойцов НКВД, вооруженных автоматами, и нас – трех студентов выезжают на ближайшую к городу железнодорожную станцию Подзамч. Вокзал во Львове уже разбомбили. На станцию непрерывно подаются составы из разных пассажирских и товарных вагонов. Толпа берет их с бою. Наши бойцы захватили один из пассажирских вагонов. Поезд отправляется.

16 часов. Возвращаемся в управление НКВД. Машины с бойцами забрали для эвакуации архивов. Узнаю, что наш батальон с полчаса назад покинул управление и ушел на восток. Бегу его догонять.

17 часов. Вижу стоящих у опушки леса товарищей. Батальон состоит из трех бойцов НКВД, вооруженных автоматами, наших студентов и штатных сотрудников Аэропроекта, одетых в черные кители. Оказалось, что колонне приказано остановиться и ждать дальнейших указаний. Мимо непрерывным потоком идут жители города, машины, повозки.

18 часов. Появляется колонна конной милиции, покидающая город. Обращаемся к майору. Объясняем ему, что мы подчиняемся руководству Аэропроекта. Подчинение НКВД было только на время строительства аэродромов, которое сейчас завершено. Нам необходимо связаться с нашим руководством в Москве. Для этого мы должны добираться до Тернополя (120 км от Львова). Майор неумолим. Ослушаться приказа не решается.

19 часов. Скоро наступят сумерки. Кроме трех автоматов у бойцов и пистолета у майора оружия нет, а, по слухам, немецкие танки уже прорвались. Строимся по двое в ряд и начинаем двигаться от опушки леса к дороге. Слышим команду майора: «Стоять!». Мы движемся. Второй окрик был более резким: «Стоять, говорю!». Мы продолжаем движение. Раздается команда: «Взять на изготовку!» – дула трех автоматов направляются в нашу сторону...

Шел второй день войны. Невыполнение приказа грозило майору расстрелом. Начались новые переговоры. Майор все понимает, но не видит выхода из тупика. Договорились о компромиссном решении – ждем еще час и, если не поступит новый приказ, – будем добираться в управление НКВД города Тернополя.

20 часов. Построившись по пять человек в ряд, идем на Тернополь. Идем долго. Наступает глубокая ночь. Дорога ведет в лес, до него остается около километра... Тут же вижу, что иду по лесу. Так я узнаю, что человек может идти в колонне и одновременно спать.

24 июня 1941 г.

05 часов. Неожиданно на дороге появились три грузовых машины, посланные нам на встречу из Тернополя. Вдохнули.

06 часов. В районе железнодорожной станции Золочев к нам пристает тройка немецких

самолетов, на бреющем полете расстреливающая все, что движется по дороге. Они, трижды разворачиваясь, пролетают над нами.

09 часов. Прибываем в Тернопольское управление НКВД. Начальник экспедиции связывается по телефону с руководством Аэропроекта. Ждем указаний. Сотрудники управления предупреждают нас, чтобы мы спали на полу у простенков между окнами: ночью в них стреляют. На улицах появляться нельзя: при воздушной тревоге под шум сирены стреляют.

26 июня 1941 г., Тернополь

Приходит согласованное с Генеральным штабом Красной Армии решение Аэропроекта, по которому весь состав экспедиции должен быть направлен в разные пункты, расположенные вдоль западной границы для проведения работ по спецстроительству. Меня командируют в Винницкое управление НКВД.

28 июня 1941 г., Винница

10 часов. Подходя к зданию управления, вижу грузовую автомашину, в кузове которой на полу лежат со связанными руками пятеро рослых немцев-десантников. Подумалось: «А нелегко будет воевать с такими».

11 часов. Получаю предписание следовать в район железнодорожной станции Гнивань (25 км от Винницы) для участия в завершении строительства аэродрома.

14 часов. Аэродром в районе станции Гнивань. Знакомлюсь с начальником строительства. Он дает мне матрац, машину и отправляет в ближайшую деревню, чтобы договориться о жилье.

15 часов. Возвращаюсь на аэродром. Захожу к начальнику строительства. Он предлагает мне садиться в одну из стоящих у входа колонн грузовых автомашин, на которые поспешно укладываются грузы. Срочная эвакуация!

16 часов. Начинается трехсуточный путь нашей автоколонны, состоящей из 13 машин, в Харьков по маршруту Белая Церковь – Черкассы – Золотоноша – Лубны для получения дальнейших указаний ГУАС.

1 июля 1941 г., Харьков

Отсутствие достоверной информации о положении на фронтах, быстрое ее изменение и общая растерянность не дают возможность руководству ГУАС принять решение о дальнейшем нашем пребывании. В ожидании проходят десять дней. Из студентов МИИГАиК я один – судьба остальных и Жени Кавериной, отправленной из Львова, мне неизвестна. Харьков живет нормальной жизнью. Я не пропускаю ни одного спектакля Харьковского академического русского театра им. Пушкина – великолепная игра талантливых артистов.

10 июля 1941 г.

Наконец, в составе группы специалистов получаю назначение в управление НКВД Крас-

нодарского края. На трех грузовых машинах выезжаем по маршруту Славянск – Ростов-на-Дону – Краснодар.

13 июля 1941 г., Краснодар

В управлении меня направляют в станицу Белая глина, где располагается штаб строительства аэродромов. Строительство ведется простейшим методом – планировка взлетно-посадочной полосы с последующим засевом ее многолетними травами. Мне поручается руководство геодезическими работами на пяти объектах.

19 августа 1941 г., Станица Белая глина

Строительство аэродромов в этом районе заканчивается. Штаб переезжает в новый район работ. Поселяемся в станице Павловская. У меня новых три объекта.

3 сентября 1941 г., Станица Павловская

Получаю первое после расставания во Львове письмо от Жени Кавериной и моих школьных друзей из Москвы. Счастлив, что нашли друг друга.

16 октября 1941 г.

Немецкие войска, осуществляя операцию по захвату Москвы «Тайфун», ведут ожесточенные бои на всех направлениях, ведущих к столице. Паника в Москве. Началась эвакуация населения и предприятий.

20 октября 1941 г.

В Москве введено осадное положение. Правительство эвакуировано в Куйбышев.

22 октября 1941 г., Краснодар

Тревожному положению в Москве предшествовало появление постановления Государственного комитета обороны об откомандировании студентов последнего курса институтов оборонного значения для завершения учебы. Я решаю поехать в Москву, чтобы помочь Жене выбраться из нее.

За получением согласия еду в Краснодар. Начальник управления НКВД Тимошенко крайне удивлен моим обращением, пытается убедить меня в неразумности моего желания – «немцы под Москвой!» Но не отпустить меня не может. Возвращаюсь в станицу для сдачи работ.

29 октября 1941 г., Станица Павловская

Закончил передачу дел. Выезжаю в Москву. Начальник строительства поручил своему шоферу отвезти меня на железнодорожную станцию Тихорецк (50 км).

31 октября 1941 г., Тихорецк

Двое суток ожидаю пассажирский поезд Новороссийск – Москва. Ни поезда, ни сведений о нем. На станции скопились железнодорожные составы с углем, станками, оборудова-

нием, цистерны с нефтью, военно-санитарные поезда с ранеными, открытые платформы с эвакуированными из Ростова-на-Дону. Принимаю решение двигаться к Москве любыми видами железнодорожного транспорта.

2 ноября 1941 г.

Положение осложняется отсутствием двухколейной железнодорожной линии до Сталинграда. Пропускная способность поездов низкая. Диспетчеры чередуют отправление поездов в противоположных направлениях по перегонам. Проезжая один перегон, составы долго ожидают своего дальнейшего движения. Меня выручает удостоверение сотрудника НКВД, пользуясь им, я получаю от дежурных по станции оперативную информацию о составах, намеченных к очередному отправлению, и продвигаюсь с ними вперед.

Конечно, такая система передвижения сложна, медлительна и весьма утомительна. Взятые в дорогу продукты у меня закончились. Приобрести их невозможно. Стараюсь не обращать на это внимание. И, как это ни странно, мне это удается.

Сегодня ехал на открытой платформе вместе с эвакуированными. К поезду «пристал» немецкий самолет и стал обстреливать его из пулемета. Я стал свидетелем душераздирающей картины – мать грудного ребенка вознесла руки к небу и стала молить Бога, чтобы пули поразили ее и младенца. Ее можно было понять: в воздухе порохом снежок, а мокрые пеленки сушить было негде.

Если бы нашелся талантливый художник, который бы на холсте изобразил увиденное мной зрелище, то такая картина могла бы служить эмблемой войны, наподобие эмблемы мира – «голубя, несущего в клюве оливковую ветвь» Пабло Пикассо. И будь моя воля – выставил бы их в Лувре рядом для всеобщего обозрения человечеством. Может быть, это сплотило бы людей и помогло бы им охладить горячие головы «ястребов».

4 ноября 1941 г.

Привычка к голоду испугала. Последствия могут нагрянуть неожиданно и непоправимо. На одном из полустанков решаю пойти в виднеющуюся невдалеке от железной дороги деревушку.

Захожу в первую попавшуюся избу. По дому бегают детишки мал-мала меньше. За столом в залатанной рубашке сидит старик. Молодая женщина возится у печки. Бедность видится во всем. Зная, что хлеб очень дефицитен, а скот режут, спрашиваю, не найдется ли у них немного вареного мяса и несколько морковок. Меня приветливо встречают, просят присесть и немного подождать.

Через некоторое время мне дают большой кусок вареного мяса, пучок морковок и полбуханки хлеба. Отчаянно пытаюсь расплатиться с гостеприимной семьей, уверяя, что я вполне

платежеспособен (меня к этому еще подстегивает их явная бедность). Они неумолимы. Я тронут милосердием этих простых русских людей, отозвавшихся на чужую боль и беду, низко кланяюсь и хочется сказать: «Да хранит вас Бог!»

Возвращаюсь на полустанок и продолжаю свое дальнейшее движение на Сталинград.

7 ноября 1941 г., Сталинград

Наконец, я добрался до города. Основной поток эвакуации с железной дороги устремляется по Волге. Часть потока следует по железной дороге до станции Поворино, а далее уходит на Восток. Железнодорожный вокзал заполнен до предела. Полученные в деревне продукты, даже при моем экономном использовании, закончились.

Безуспешно слоняюсь по улицам города и рынку в поисках съестного.

На Красной Площади в Москве идет военный парад. Благословленные Сталиным войска прямо с него отправляются на фронт.

Пытаюсь выехать из города. Мой прежний метод передвижения по железной дороге с нормальным двухколейным полотном, которая пошла после Сталинграда, неприменим. Лишь на третий день достаю билет до Поворино.

12 ноября 1941 г., Поворино

Поток эвакуации поворачивает на Восток и уходит на Пензу. В направлении на Москву до Мичуринска ходит пассажирский поезд – почти полупустой. Приобретаю плацкартный билет.

13 ноября 1941 г., Мичуринск

Захожу в здание вокзала и сразу же прохожу в ресторан. В зале лишь несколько посетителей. Еле сдерживая голод, заказываю официанту обед из трех блюд. Пообедав, прошу его повторить заказ. Когда и это было съедено, я попросил принести мне только второе блюдо.

Замечаю, что за мной с интересом наблюдает сидящая неподалеку молодая женщина. Вскоре она подходит и, понимая, что я давно уже не ел, объясняет мне, чем грозит такое поглощение продуктов. Я благодарю ее и обещаю больше ничего не заказывать...

Но уже поздно. Через несколько часов мой живот распирает и с каждой минутой все сильнее. Обращаюсь в медпункт вокзала. Рекомендуют и дают выпить английскую соль. Двое суток провожу в мучениях на вокзале, а затем выезжаю в город Воскресенск – последний населенный пункт в направлении на Москву, куда еще ходят пассажирские поезда.

15 ноября 1941 г., Воскресенск

На железнодорожной станции немногочисленно. Мимо один за другим следуют составы с войском и вооружением. Окончательно убеждаюсь в том, что в сторону Москвы пассажирские поезда не ходят. Принимаю решение пойти туда (90 км) по шпалам до ближайшей электрички, идущей в Москву.

Находящиеся уже в Волоколамске и Можайске немецкие войска, сосредоточив огромнейшие силы, предпринимают новое решающее наступление на Москву, до которой осталось 100 км. Мы двигаемся навстречу: они – в юго-восточном направлении, а я – в северо-западном.

17 ноября 1941 г., Раменское

Дошел до станции Раменское. Не верится, что увидел электричку, которая через 45 минут доставит меня в Москву. Глубокой ночью добираться до квартиры матери Жени в районе Тимирязевской академии. От соседки узнаю, что Женя с мамой более месяца здесь не появляются.

19 ноября 1941 г., Москва

Столица удивляет меня своим суровым спокойствием, мешками песка у витрин магазинов, металлическими ежами, заграждением аэростатами. Добираться до МИИГАиК.

В институте – лишь один директор. Он говорит, что Женя с мамой вместе со всем личным составом института эвакуировались в Ташкент. Моему появлению он очень рад, ибо некому сбрасывать с крыши «зажигалки», которые немецкая авиация стала бросать на здания. В одном из кабинетов института стояли заправленные койки (чистое белье, одеяла, подушки), и я поселяюсь в нем.

Прошло несколько дней. Каждый день Совинформбюро по радио сообщает, что на Западном фронте «в результате ожесточенных боев» оставлен пункт *N* (при этом указывается заглавная буква названия пункта). Зная, что немцы уже неделю ведут бои в Можайске и Волоколамске, такие сообщения не радуют. Невольно допускаешь, что можешь проснуться в городе, захваченном немцами.

23 ноября 1941 г., район станции Перловка

Непосредственная угроза захвата Москвы привела к необходимости строить оборонительные сооружения на ее окраинах. Городские власти мобилизуют на это все оставшееся в городе трудоспособное население. Таким образом, я оказываюсь в этом районе. Занимаемся сооружением артиллерийских точек, дотов и дзотов. Стоят очень сильные морозы (около 35 градусов), но мы их не замечаем, когда, раздевшись до нижней рубахи, с помощью кувалд и клиньев долбим промерзшую землю.

6 декабря 1941 г.

В первых числах декабря стала слышна орудийная стрельба. Однако сегодня она неожиданно прекратилась. Радостный голос Левитана сообщает, что войска Западного фронта перешли в наступление на всем его протяжении. Вечером нас «демобилизуют». Уезжаю в Москву. В институте объявлен дополнительный набор студентов.

23 февраля 1942 г., Москва

По случаю праздника я приглашен в войсковую разведывательно-диверсионную часть № 9903. Дается концерт. Будет праздничный ужин. Знакомлюсь с «живыми» партизанами. Эта часть была образована 31 октября 1941 г. и состоит из 2000 комсомольцев добровольцев, вчерашних 17–18-летних школьников, отобранных Московским городским комитетом комсомола. Если бы я не знал, где нахожусь, то никогда бы не поверил, что эти молодые люди с такими оживленными, улыбающимися лицами, так бодро и непринужденно ведущие себя, каждую минуту готовы отправиться на выполнение опасного задания.

Праздничное настроение омрачено недавней гибелью их товарища Зои Космодемьянской. 16 февраля ей посмертно присвоили звание Героя Советского Союза (Она была первой женщиной, получившей такое звание на войне.). Ее с группой направили для выполнения приказа Сталина № 428 от 17 ноября, согласно которому надлежало «сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края». Сегодня еще неизвестны подробности ее захвата, но ребята острожно намекают на ее недисциплинированность – мол, после выполнения задания не вернулась к назначенному времени в лес к руководителю группы Крайнову, а пошла поджигать еще конюшню. (Предавший ее член группы – Клубков, – еще не раскрыт. Через две недели он будет допрошен и расстрелян.)

2 марта 1942 г.

Меня вызывают в кабинет директора института. В нем сидят двое незнакомых мне мужчин. Не представившись, они предлагают мне выполнить геодезическую работу, о содержании которой расскажут на месте. Жилье, питание и геодезические инструменты будут предоставлены. Если я согласен выполнить задание, то расписка о неразглашении тайны должна быть дана сейчас. Я, конечно, понимаю, что директору они представились и что эта работа имеет оборонное значение. Мое согласие они тут же получают.

Утром следующего дня к институту подъезжает легковая машина с затемненными окнами и меня около двух часов везут в неизвестном направлении. Привезли на какое-то поле, на котором стоит двухэтажный кирпичный домик. Меня любезно встречает мужчина в штатском и объясняет сущность работы.

Следует произвести астрономические наблюдения для определения геодезических координат указанной мне на поле точки *A*. Затем мне дадут геодезические координаты другой точки *B*, находящейся в Америке. По координатам двух точек я должен решить так называемую «обратную геодезическую задачу» – вычислить азимут с точки *A* на точку *B*, а затем это направление указать (закрепить) на местности с заданной точностью. Понимаю, что

задание очень серьезное, сложное и крайне ответственное, но у меня выбора нет. Вспоминаю, что аналогичная задача решалась при перелете Чкалова через Северный полюс в Америку. Пришлось подъехать в Москву за необходимыми таблицами и консультацией. Две морозные ночи ушли на выполнение астрономических наблюдений, трое суток – на вычислительные работы и фиксирование на местности азимута.

Несколько позже я узнаю, что работы велись в районе Ногинска для его радицентра. Опасение за возможность ошибки в моей работе не покидало меня еще более года, пока я не прочел промелькнувшую в печати информацию, косвенно связанную с моей таинственной работой, и понял, что ошибку в своих вычислениях я не допустил.

4 апреля 1942 г.

Меня опять вызывают к директору. В кабинете сидит представитель Центрального военно-строительного управления (ЦВСУ). На этот раз мне предлагается принять участие в восстановлении разрушенного и заминированного немцами аэродрома под Ржевом. Там сейчас находится группа работников ЦВСУ, и они нуждаются в помощи геодезиста. Вечером я с Рижского вокзала выезжаю в Волоколамск. В городе еще лежат скрюченные морозом трупы немецких солдат. Далее поезда не идут, и мне приходится несколько дней добираться на попутных военных машинах до места назначения – ближайшего к аэродрому села.

Село было сожжено еще в ноябре прошлого года. Уцелел лишь один дом, в котором вместе с хозяевами и поселилась группа изыскателей капитана Аронова. Он приветливо меня встретил, но сообщил, что обстановка довольно сложная – образовался глубокий снежный покров, а саперы гарантировали отсутствие мин лишь на глубину 30 см от поверхности. Вместе с тем с каждым днем будет теплее, снег начнет подтаивать, а ходить по аэродрому, зная, что он заминирован, крайне неприятно – каждый шаг может оказаться последним.

Через несколько дней после моего приезда, около полуночи в дом вошла группа солдат с лейтенантом, который предложил нам освободить помещение. Когда наш капитан сказал, что мы не можем удовлетворить его требование, на пороге появился... пулемет, при этом лейтенант заявил, что его взвод – гарнизон этого села и им здесь умирать, а мы, когда начнется бой, уйдем... Аронов, проявив мудрость и сохранив спокойствие, сумел договориться с «горячим» лейтенантом. Ночь мы спали вповалку с солдатами, а утром лейтенант увел куда-то свой гарнизон.

Спустя месяц, по окончании работ, я возвратился в Москву. ■